

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 63. «Он прочен, мой азийский дом»

Выпуск № 105

Лариса Миллер

О, научи меня, Восток,
Жить, созерцая лепесток.
Спаси в тиши своей восточной
От беспощадной ставки очной
С минувшим, с будущим, с судьбой,
С другими и с самим собой.
Разброд и хаос. Смех и слёзы.
И не найду удобной позы,
Чтоб с лёгким сердцем замереть,
И никогда не ведать впредь
Ни жарких слов, ни мелких стычек,
Лишь наблюдать паренье птичек
В углу белейшего холста,
Где остальная часть пуста.

1979

Арсений Тарковский

Две японские сказки

I. Бедный рыбац

Я рыбац, а сети
В море унесло.
Мне теперь на свете
Пусто и светло.

И моя отрада
В том, что от людей
Ничего не надо
Нищете моей.

Мимо всей вселенной
Я пойду, смиренный,
Тихий и босой,
За благословенной
Утренней звездой.

1957

II. Флейта

Мне послышался чей-то
Затишающий зов,
Бесприютная флейта
Из-за гор и лесов.

Наклоняется ива
Над студёным ручьём,
И ручей торопливо
Говорит ни о чём,

Осторожный и звонкий,
Будто веретено,
То всплывает в воронке,
То уходит на дно.

1956-1965

Выпуск № 17

Афанасий Фет

Восточный мотив

С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.

1882

Владимир Набоков

Глаза

Под тонкою луной, в стране далёкой, древней,
так говорил поэт смеющейся царевне:

Напев сквозных цикад умрёт в листве олив,
погаснут светляки на гиацинтах смятых,
но сладостный разрез твоих продолговатых
атласно-тёмных глаз, их ласка, и отлив
чуть сизый на белке, и блеск на нижней веке,
и складки нежные над верхнею, – навеки
останутся в моих сияющих стихах,
и людям будет мил твой длинный взор счастливый,
пока есть на земле цикады и оливы
и влажный гиацинт в алмазных светляках.

Так говорил поэт смеющейся царевне
под тонкою луной, в стране далёкой, древней...

Анна Ахматова

из цикла «Луна в зените»

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Всё так же льётся Божья милость
С непререкаемых высот,

Всё те же хоры звёзд и вод,
Всё так же своды неба чёрны,
И так же ветер носит зёрна,
И ту же песню мать поёт.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Ещё приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоём.

1944

Выпуск № 58

Павел Васильев

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

1935

Максимилиан Волошин

Александре Михайловне Петровой

Быть чёрною землёй. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведёт священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки тёмных вод.
Быть вспаханной землёй... И долго ждать, что вот
В меня сойдёт, во мне распнётся Слово.

Быть Матерью-Землёй. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертёж:
По небу чёрному плывущие созвездья.

1906

Арсений Тарковский

Приазовье

На полустанке я вышел. Чугун отдыхал
В крупных шарах маслянистого пара. Он был
Царь ассирийский в клубящихся гроздьях кудрей.

Степь отворилась, и в степь, как воронкой ветров,
Душу втянуло мою. И уже за спиной
Не было мазанок; лунные башни вокруг
Зыблились и утверждались до края земли,
Ночь разворачивала из проёма в проём
Твёрдое, плотно укатанное полотно.
Юность моя отошла от меня, и мешок
Сгорбил мне плечи. Ремни развязал я, и хлеб
Солью посыпал, и степь накормил, а седьмой
Долей насытил свою терпеливую плоть.
Спал я, пока в изголовье моём остывал
Пепел царей и рабов и стояла в ногах
Полная чаша свинцовой азовской слезы.
Снилось мне всё, что случится в грядущем со мной.
Утром очнулся и землю землёю назвал,
Зною подставил ещё неокрепшую грудь.

1968

Выпуск № 226

Максимилиан Волошин

Опять бреду я босоногий;
По ветру лоснится ковыль;
Что может быта нежней, чем пыль
Степной разъезженной дороги?..

На бурый стелется ковёр
Полдневный пламень, сух и ясен,
Хрусталь предгорий так прекрасен,
Так бледны дали серых гор!

Солёный ветер в пальцах вьётся...
Ах, жажду счастья, хмель отрав
Не утолит ни горечь трав,
Ни соль овечьего колодца...

1919

Павел Васильев

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядишь – на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные защиты письмена.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узорна и темна...
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца
Прислушайся! Как мерно сердце бьётся
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжелые плывут
Над пёстрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.

1929

Выпуск № 51

Борис Пастернак

Трава и камни

С действительностью иллюзию,
С растительностью гранит
Так сблизили Польша и Грузия,
Что это обеих роднит.

Как будто весной в Благовещенье
Им милости возвещены
Землёй – в каждой каменной трещине,
Травой – из-под каждой стены.

И те обещанья подхвачены
Природой, трудами их рук,
Искусствами, всякою всячиной,
Развитьем ремёсл и наук.

Побегами жизни и зелени,
Развалинами старины,
Землём в каждой мелкой расселине,
Травой из-под каждой стены.

Следами усердья и праздности,
Беседою, бьющей ключом,
Речами про разные разности,
Пустой болтовнёй ни о чём.

Пшеницей в полях выше сажени,
Сходящейся над головой,
Землём – в каждой каменной скважине,
Травой – в половице кривой.

Душистой густой повиликою,
Столетиями, вверх по кусту,
Обвившей былое великое
И будущего красоту.

Сиренью, двойными оттенками
Лиловых и белых кистей,
Пестреющей между простенками
Осыпавшихся крепостей.

Где люди в родстве со стихиями,
Стихии в соседстве с людьми,
Земля – в каждом каменном выеме,
Трава – перед всеми дверьми.

Где с гордою лирой Мицкевича
Таинственно слился язык
Грузинских цариц и царевичей
Из девичьих и базилик.

1956

Даниил Андреев

из цикла «Янтари»

Какое благовоние
От этих скал нагретых,
От древних парапетов
И крепостной стены!

Ты хочешь пить? – в колонии
У сонного платана
Журчит вода фонтана –
 Святая кровь страны.

Испей её! И сразу же
Туман многовековый
Из влаги родниковой
 В глубь сердца перейдёт
Поверьями, миражами,
Легендами пустыни
И грёзами, что ныне
 Едва хранит народ.

Он тѣк тысячелетьями
Бесшумно и незримо
По тѣмным жилам Крыма,
 У старых гор в груди...
Испей его. Ответь ему
Молчаньем и доверьем,
Его седым преддверьем
 В дух этих стран войди!

Сольются в мощном образе
Ладьи, дворцы, литавры,
Прохлада хижин, лавры
 В полдневных городах,
В Отузах, Ялте, Форосе
Сады, как кущи рая,
И с крыш Бахчисарая
 Протяжный стих: «Аллах!»

И жизни ритм властительный,
Державный и широкий
Почуешь ты в потоке
 Мимолетающих дней,
Вот в этом утомительном
Подъеме в город знойный
И в горечи спокойной
 Кладбищенских камней;

В дрожащей сини воздуха
Над будничным базаром,
Где некогда хазарам
 Послушен город был,

И в шумном доме отдыха,
Где мчится мяч летучий,
Где жизни пульс кипучий
 Не стынет, и не стыл.

1942

Выпуск № 693

Иван Бунин

Богиня

Навес кумирни, жертвенник в жасмине
И девственниц склонённых белый ряд.
Тростинки благовонные чадят
Перед хрустальной статуей богини,
Потупившей свой узкий, козий взгляд.

Лес, утро, зной. То зелень изумруда,
То хризолиты светят в хрустале.
На кованом из золота столе
Сидит она спокойная, как Будда,
Пречистая в раю и на земле.
И взгляд её, загадочный и зыбкий,
Мерцает всё бесстрастней и мертвей
Из-под косых приподнятых бровей,
И тонкою недоброю улыбкой
Чуть озарён блестящий лик у ней.

1916

Даниил Андреев

В музее

В сизую оттепель, в сумерках, по нескончаемым залам,
Фрески минуя и мрамор, я в забытыи проходил.
Как я любил эти лики!.. Каждый из них рассказал мне
Повесть о счастье и горе храмов, дворцов и могил.

Запах – старинный, знакомый – остановил меня, данью
Вечно-забытому... В памяти вспыхнула древняя боль,
И поднялась, и метнулась к каменному изваянью
На распустившемся лотосе, – без позолоты, – как смоль.

Это сиял Совершенный: с тихою полуулыбкой,
С полуопущенным взором, в тонком венце бодисатв, –
Что он провидел, Возвышенный, в мареве времени зыбком?
Пряжу ли кармы? Иль сроки мудрых посевов и жатв?

Каждого благословлял он полураскрытой ладонью,
С благоуханного лика веял внемирный покой...
Бронза его сохранила храмовые благовонья,
Втёртые в тёмное тело благочестивой рукой.

Никнуть бы благоговейно к этой ладони печальной,
Столько веков обращённой в многострадальную тьму...
И закачались над нами образы родины дальней,
Нами одними услышанные, не внятные никому.

1933

Выпуск № 543

Аполлон Майков

Купальщицы *(Мелодия с берегов Ганга)*

Люблю тебя, месяц, когда озаряешь
Толпу шаловливых красавиц, идущих
С ночного купанья домой!

Прекрасен ты, воздух, неся издалёка
С венков их роскошных волну аромата,
Их нам возвещая приход.

Прекрасно ты, море, когда твою свежесть
Я слышу у них на груди и ланитах,
И в чёрных, тяжелых косах...

Даниил Андреев

из цикла «Древняя память»

Индия! Таинственное имя,
Древнее, как путь мой по вселенной!
Радуга тоскующего сердца,
Образы, упорные, как память...

Рассказать ли? – Люди не поверят,
Намекнуть ли? – Не поймут ни слова,
Упрекнут за тёмное пристрастье,
За непобедимое виденье.

Прикоснусь ли нищею рукою
К праху светлому дорог священных,
Поклонюсь ли, где меня впервые
Мать-земля из мрака породила?

1931

Выпуск № 1393

Иван Бунин

Ковсерь

Мы дали тебе Ковсерь
Коран, 108:1

Здесь царство снов. На сотни вёрст безлюдны
Солончаков нагие берега.
На воды в них – небесно изумрудны
И шёлк песков белее, чем снега.

В шелках песков лишь сизые полыни
Растит Аллах для кочевых отар,
И небеса здесь несказанно сини,
И солнце в них – как адский огонь, Сакар.

И в знойный час, когда мираж зеркальный
Сольёт весь мир в один великий сон,

В безбрежный блеск, за грань земли печальной,
В сады Джиннат уносит душу он.

А там течёт, там льётся за туманом
Река всех рек, лазурная Ковсерь,
И всей земле, всем племенам и странам
Сулит покой. Терпи, молись – и верь.

1903

Анна Ахматова

из цикла «Луна в зените»

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выразнили подспудное
И рождённое тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскалённой лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

Максимилиан Волошин

Пустыня

И я был сослан в глубь степей,
И я изведаль мир огромный
В дни страннической и бездомной
Пытливой юности моей.

От изумрудно-синих взморий,
От перламутровых озёр
Вели ступени плоскогорий
К престолом азиатских гор,

Откуда некогда, бушуя,
Людские множества текли,
Орды и царства образуя
Согласно впадинам земли;

И, нисходя по склонам горным,
Селился первый человек
Вдоль по теченьям синих рек,
По топким заводям озёрным,

И оставлял на дне степей
Меж чернобыльника и чобра
Быков обугленные рёбра
И камни грубых алтарей.

Как незапамятно и строго
Звучал из глубины веков
Глухой пастуший голос рога
И звон верблюжьих бубенцов,

Когда, овеянный туманом,
Сквозь сон миражей и песков,
Я шёл с ленивым караваном
К стене непобедимых льдов.

Шёл по расплавленным пустыням,
По непротоптанным тропам,
Под небом исступлённо-синим
Вослед пылающим столпам.

А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звёздном дереве времён,

И хоры горних сил хвалили
Творца миров из глубины
Ветвистых пламеней и лилий
Неопалимой Купины.

1919